

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Мне, грешному, нужен и читатель, и критик, и друг-приятель, который похвалит или попеняет.

Ицхокас Мерас. Из интервью

София Шегель

Ушел из жизни хороший друг, светлый человек, большой писатель Ицхокас Мерас. Умер после долгой и мучительной болезни, настрадавшись так, что смерть стала избавлением, хотя и страшно не то что произнести, даже подумать такие слова. Но это правда. Долгие месяцы жестоких страданий на больничных койках с крохотными искорками успокоения в объятиях преданной и самоотверженной сестры Янины, взвалившей на свои неюные плечи всю тяжесть душевного горя и повседневных забот... Остается только поблагодарить за участие и верность дружбе господина Дарюса Дягутиса, посла Литвы в Израиле, - он сколько мог старался помочь и поддержать.

Невыносимое слово "навсегда". Так странно прощаться с человеком, зная, что это бесповоротно, что нет такой силы, которая повернула бы время вспять, дала бы возможность, как всегда, в свободную минутку набрать знакомый номер телефона, спросить, что нового, как самочувствие, как дела, а потом еще растянуть эту минутку на час-другой, подробно обсудить, что происходит в Союзе писателей, каким получился последний номер журнала, какие новости из Литвы, из Франции, из Интернета, из поликлиники... Все это теперь невозвратное прошлое, воспоминание.

Ицхокас Мерас родился в 1932 году в литовском городке Кельме в интеллигентной семье. Родители погибли от рук фашистов в самом начале войны, Ицхокаса и его сестру Янину (Иону, Нинкале) стараниями местного священника с риском для жизни взяли к себе и вырастили крестьянские семьи. Потому писатель всегда говорил, что у него были две матери - еврейская, которая родила, и литовская, которая дала вторую жизнь. До

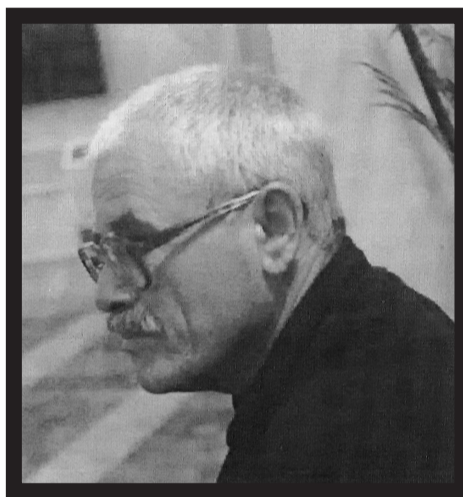
конца дней он помогал своей литовской семье, каждый месяц отправляя ей денежные переводы. И два родных языка - маме-лошн, всплывающий интуитивно, как дыхание, и литовский, на котором сняты сны, с которым прошла юность и на котором единственно возможно было литературное творчество. Хотя в быту переход с идиша на иврит, с иврита на литовский или по необходимости на русский, английский и пр. происходил незамеченным, как перемена позы, писать он мог только на литовском - естественно, как дышать. А вот в последние свои дни больше всего обращался к идишу: маме-лошн.

Дети войны - это особое поколение, это люди, психика которых не может убрать за скобки те страшные времена, сделать их воспоминаниями. Это люди, которые воспринимают все грани жизни как отголосок своего трагического детства. А если такой человек в силах передать свои чувства другим?

Мерас родом из горького детства времен войны и Катастрофы. Этим и определяется его творческая палитра, насыщенный драматизмом, легко узнаваемый колорит его произведений. Даже бытовая картинка, даже буколический пейзаж - прозрачная морская волна, или нетронутый луг, или нежные краски восхода и заката, - даже портрет, пусть и проходной, мимолетный, - все это преломляется через восприятие человека, смотревшего в глаза смерти. Отсюда постоянное ощущение тяжелой ноши, которую не сбросить и не одолеть. Отсюда даже в любви нет юношеской легкости и даже в радости всегда присутствует горчинка знания.

О чем бы ни писал Ицхокас Мерас - о не вернувшихся с войны, или о ждущих, или об отчаявшихся ждать, о случайной встрече и темном омуте страсти, о верности, которой мы жаждем, и о Боге, который у каждого из нас в душе, - о чем бы он ни писал, в каждой строке читается: он знает, он помнит и с этим знанием, с этой памятью живет свою жизнь. Жил свою жизнь - теперь уже надо говорить так.

Этот писатель первым в СССР сделал тему

Холокоста доминантой своего творчества. В 60-е годы прошлого века его романы "На чем держится мир", "Ничья длится мгновение" и "Полнолуние" прозвучали набатом в литературном пространстве страны. И сегодня, спустя столетия, эти книги читаются по-прежнему захватывающе и дают возможность читателю - совсем иному, чем в те времена, - изучить особое литературное явление: Ицхокас Мерас.

Это не значит, что после упомянутых книг была творческая пустота. Полная драматизма повесть "Сара", романы "Старый фонтан", "Стриптиз", многочисленные рассказы принесли автору широкое признание. Его читают более чем на двадцати языках, его произведения доступны народам самых разных исторических судеб. Тогда, в 60-х, невероятная по тем временам публикация практически определила дальнейшую судьбу автора. Мерас оставляет свою инженерную работу (у него за плечами Каунасский политехнический институт) и становится профессиональным писателем. Некоторое время работает на Вильнюсской киностудии, в сценарном отделе. Но уже в начале 70-х Ицхокас с семьей репатрируется в Израиль.

Наша страна, как все мы знаем, отдает дань памяти событиям и жертвам Холокоста, отдает дань уважения праведникам мира и их потомкам. Но при этом общеизвестно, что литературное творчество в Израиле не кормит, даже тех, кто посвятил себя этой горькой и неизбывной теме - Шоа. Потому до самой пенсии Ицхокас работал в школе системы ОРТ, преподавал электротехнику - снова, как

в молодости, пригосило инженерное образование.

И все же имя Мераса и память о нем неотделимы от его произведений, от его звания и сути писателя. Он лауреат нескольких престижных премий Израила, государственной премии Литвы, кавалер ордена Гедиминаса - высшей государственной награды Литовской Республики, почетный гражданин города Холона, в котором жил с момента репатриации. Он жил замкнуто, писал, может быть, меньше, чем нам, да и ему самому хотелось бы. Но ценители подлинной литературы в нашей стране и не в меньшей степени его почитатели в Литве понимают масштаб его дарования и глубину его личности.

Совсем недавно, всего два года тому, ждали юбилея - восьмидесятилетия писателя, хотя празднеств не было, здоровье уже не позволило. Да и скромным был Ицхокас, к пафосу и фейерверку относился иронически. А вот книгу своих рассказов "На полпути" в русском переводе, изданную силами Иерусалимской Антологии, встретил как праздник. Это оказалось его последнее прижизненное издание. Но нет сомнения, что новые поколения читателей не раз вновь оценят творчество Мераса на литовском, русском и еще на двух с лишним десятках языков, на которые его произведения уже переведены и на которых они ведут свою независимую от автора жизнь в разных странах.

Эмоциональный мир Мераса - это мир подлинной страсти, мир мощного напряжения, диктующего столь характерную для мастера сдержанность, даже, можно сказать, скупость в отборе выразительных средств и библейскую притчевость образов. Обожженный пламенем Шоа Ицхокас Мерас так любил земную жизнь во всех ее каждоминутных проявлениях - ароматы цветов, музыку, журчание фонтанов, жгучую тайну любви, доброе слово друга, так дорожил жизнью в ее самых земных, житейски чистых и доступных проявлениях... Об этом многие его рассказы. И он остается с нами, пока мы его читаем. Такова судьба классика.

В апрельском выпуске "Силуэта" читайте один из последних рассказов Ицхокаса Мераса, вошедший в его сборник "На полпути".

ОБ ИЦХОКАСЕ МЕРАСЕ

Дарюс Дягутис,
посол Литвы в Израиле

В советские годы говорить о Холокосте в Литве было не принято. Будто и не было его, литовского Холокоста. На официальных мероприятиях поминали советских граждан, погибших от рук фашистов. Без подробностей. Шепотом пожилые люди рассказывали иногда детям и внукам о том, что происходило на нашей земле.

Я впервые услышал о том, как убивали евреев в Литве, от своей бабушки. Она хорошо помнила, что было в Каунасе, рассказывала мне то, о чем не говорили на уроках в школе. В семидесятые годы немногие еврейские семьи, которые еще оставались в Литве, стали уезжать. Они исчезали тихо,

незаметно, без объяснений и прощаний. Соседи шептались между собой - мол, в Израиль уехали. Впрочем, слово Израиль тоже старались громко не произносить. (Мне тогда, конечно, и в голову не приходило, что значительно позже я буду послом Литвы в Израиле).

А потом все это кончилось, пришла независимость, началась новая эпоха, и стали открываться забытые страницы. И ох как больно было их читать.

Нам было очень тяжело открывать собственную историю, тяжело осознавать, что фашисты уничтожили в Литве 200 тысяч евреев и пособниками нацистов выступали литовцы. Не все были готовы принять эти факты: да разве мы виноваты, да сколько литовцев

■ Бывший премьер-министр Литвы Андриус Кибелиус вручает почетный диплом Ицхокасу Мерасу, 2010, Тель-Авив

было уничтожено в сталинских лагерях... И эту правду мы открывали по книгам Ицхокаса Мераса. Ему верили. Ведь он сам был в "той яме". Родителей Мераса убили нацисты, его самого тоже должны

были расстрелять, но за секунду до выстрела он вместе со старшей сестрой успел прыгнуть в яму. Под покровом ночи дети выбрались из-под горы трупов и спрятались в литовской деревне.

Ицхокас возвратился в Литву после объявления независимости, и его книги помогали людям понять себя, свой народ и свою историю. Он писал по-литовски, но его книги переводились на десятки языков. Он стал неофициальным послом Литвы в Израиле, и во многом благодаря его деятельности Израиль стал одним из первых государств, признавшим независимую Литву.

Я знал Ицхокаса Мераса по его книгам, восхищался им. А, приехав в Израиль, получил возможность познакомиться с ним. Мы пригласили его в посольство, он пришел к нам, и нам очень дол-

го не хотелось его отпускать. Мы все слушали и слушали. Его ум, эрудиция просто потрясали. С тех пор раз в один-два месяца он непременно приходил к нам, и мы вместе пили кофе с яблочным пирогом и говорили о разном.

Ему удалась еще одна важная миссия. Он не только помог Литве осознать ее современную историю, он еще и помог Израилу, евреям восстановить связи с родиной. Ведь многие из уцелевших в пламени войны прямо говорили, что это страшная земля, туда нельзя ездить. Сегодня у Литвы и Израила очень хорошие отношения, и мы рады тому, что число израильтян, желающих приехать к нам, постоянно растет.

Парламент Литвы объявил траур в память об Ицхокасе Мерасе. Да будет благословенна его память.